

*Очман А.В.
(Пятигорск)*

Князь А.И.Васильчиков и М.Ю. Лермонтов: к истории взаимоотношений *

Аннотация. В статье анализируется история взаимоотношений М.Ю. Лермонтова и Н.С. Мартынова, детально исследуется каждый эпизод жизни поэта в период, непосредственно предшествующий дуэли. В материале приводятся свидетельства многих очевидцев, воспоминания современников, мнения литературоведов, которые по-новому представляют данное трагическое событие.

Ключевые слова: литературовед, поэт, офицер, контакт, биограф, признание, дуэль, трагедия, кульминация.

4.

Знакомство А.И.Васильчикова с Лермонтовым состоялось в Петербурге в 1839 г. во время эпизодических посещений князем так называемого «кружка шестнадцати». Затем они «столкнулись» в Кисловодске во время второй лермонтовской ссылки, в августе 1840

---

* Продолжение. Начало см. № 1 (15)/ 2016, С. 86-100

г. поэт нанес туда короткий визит после недолгого лечения в Пятигорском госпитале – перед тем, как снова присоединиться к отряду генерала Галафеева. В письме из Пятигорска Алексею Лопухину от 12 сентября 1840 г. читаем: «Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню» [12: 469]. Васильчиков же отдыхал в Кисловодске в кругу приятелей по «кружку шестнадцати» перед командировкой в Тифлис в составе комиссии барона Гана [8: 407]. Судьба свела его с Лермонтовым вплотную в начале июня 1841 г. в Пятигорске после роспуска упомянутой комиссии, куда он приехал с целью лечения водами. Васильчиковское появление в курортном городе Э.Г.Герштейн подает весьма невнятно, без обычной, присущей ей детализировки, как спонтанно-случайное: «Когда через год сенатор П.В.Ган исполнил свою миссию в Закавказье, его молодые сотрудники обязаны были вернуться в Петербург. Но Васильчиков вместо того, чтобы поехать в отпуск к отцу в саратовские деревни, заехал 9 июня в Пятигорск. Там он встретился с Лермонтовым». Опять многозначительный уход от фактической основы произошедшего, ей, безусловно, ведомого. Васильчиков получает официальное разрешение остаться в Пятигорске для лечения и по совету врачей начинает принимать ванны. Стечением обстоятельств образуется ближний лермонтовский круг – Столыпин, князь Трубецкой, Глебов, Мартынов, их квартиры находились рядом.

Иные пути привели в Пятигорск Мартынова. Лермонтоведы в большинстве своем пишут о его пребывании в нем как о само собой разумеющемся, не поясняя, как и когда он оказался здесь, в крайнем случае роняют, что сюда он прибыл после отставки для отдыха и комфортного времяпрепровождения. Действительно, Мартынов приехал в город после отставки. Оставление им военной службы толковали и, увы, продолжают его трактовать как скандальное – из-за какой-то карточно-шулерской проделки, связанной с нарушением офицерской чести. Д.А.Алексеев на основе архивных изысканий установил истинные причины ухода Мартынова с военной службы. По смерти отца Мартынов вынужден заняться сложными семейно-наследственными делами, в силу чего 14 ноября 1840 г. подает прошение об отставке «по семейным обстоятельствам», удовлетворенное 23 февраля 1841 г. Получив официальное извещение в штабе Гребенского казачьего полка, расположенного в станице Червленной, отставной майор Николай Соломонович Мартынов через Моздок отправляется на Воды ожидать окончательного оформления всех нужных документов и попутно, воспользовавшись оказией, пройти курс лечения. В конце апреля он приезжает в Пятигорск, принимает ванны, а затем с 27 мая по 26 июня лечится в Железноводске [2: 38-73].

В ходе расследования дуэльной истории в ответе на один из «опросных пунктов» Мартынов писал: «Мне еще не выслали из полка указ об отставке и прочие документы о моей службе; по прибытии моем на воды я требовал из полка через посредничество коменданта и окружного начальника господина полковника и кавалера Ильяшенкова, но (до сих пор оные мне не высланы) еще их не получил» [7: 135], тем самым проясняя свое нахождение в Пятигорске.

Как известно, 13 или 23 мая 1841 г. (дата точно не установлена) здесь же оказывается Лермонтов со Столыпиным, самовольно нарушив выданное в Ставрополе предписание явиться по месту назначения в Темир-Хан-Шуру. Поэт несказанно обрадовался известию о присутствии Мартынова в городе: «Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: «Ведь и Мартышка. Мартышка (прозвище Мартынова. – А.О.) здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним» [10: 390].

Так волею судеб собрались в одном месте главные участники предстоящей трагедии.

В главе «Тайный враг», сверхзадача которой убедить читателя в хитроумии и коварстве Васильчикова, предпринимаемых им кознях против поэта, приближающих трагическую развязку, Э.Г.Герштейн не нашла, естественно, никаких документально обоснованных, убедительных аргументов о недружелюбии, враждебности, тем более виновности лермонтовского приятеля во внезапно вспыхнувшем раздоре между

Мартыновым и Лермонтовым. Обвинительная версия сводится к повтору (почти буквальному) фантазийных мартьяновских рассказов. Большая же часть главы призвана скомпрометировать личность Васильчикова с первых шагов сознательной жизни: он-де самолюбив и не в меру раздражителен, склонен к самоутверждению любыми средствами, скрытен и двуличен, его деятельность и труды – игра в либерализм» [5: 259].

Попытаемся восстановить канву контактов и встреч Васильчикова с поэтом в пятигорские дни, опираясь на сообщенные им устно или письменно сведения, учитывая их далеко не стопроцентную истинность, связанную с различными обстоятельствами, исключая сознательное искажение реальных фактов на суде, когда условлено было скрыть участие Столыпина и Трубецкого в дуэльном поединке. Центральное место в обретении близкой к реальности картины пятигорского трагического лета занимает публикация Васильчикова «Несколько слов к кончине М.Ю.Лермонтова и о дуэли его с Н.С.Мартыновым» («Русский архив», 1872, №1). Оценка данного мемуарного источника лермонтоведами как неправдивого, двусмысленно-оправдательного, преследующего цель сокрытия истины, зиждется в большей мере на предвзятой убежденности в виновности князя в лермонтовской гибели, и ничего нового в сравнении с ожесточенными нападками на «князя Ксандра» его главного обвинителя Мартьянова не прибавляет. В суммарном виде мартьяновские прокурорские доводы сводятся к следующему: «Статья (Васильчикова. – А.О.) <...> есть не что иное, как длинный ряд неправд, инсинуаций и макиавеллистических уязвлений покойного поэта. Его уверения в ней о дружбе с Лермонтовым – известный риторический прием с целью расположить к себе читателя. Его характеристика поэта – ловкий казуистический выверт с намерением затушевать его достоинства как человека, выставлением на вид детских шалостей, заносчивости и задора. Его свидетельство о нерасположении к поэту при дворе и неблагоприятном отзыве о нем высокопоставленного лица (Николая I. – А.О.) – ложь, имеющая целью санкционировать высказанное им дурное о поэте мнение. Рассказ его о столкновении Лермонтова с Мартыновым у Верзилиных, даже по сравнению с показанием последнего на суде, которое не могло быть ему известно, неточен и направлен к обвинению поэта. Его толкования о невозможности примирения – канцелярское крючкотворство, направленное к расчету с поэтом на барьере. Его описание дуэли, начиная с посвящения в секунданты Столыпина и Трубецкого и кончая рассказами о поездках за доктором и экипажем, сиденьем у трупа под ливнем и грозой и сопровождением его на квартиру – такое искажение фактов, такое сцепление лжи, бравады и фанфаронства, что нужно только развести руками. Кроме этого, при личных объяснениях с биографом (Висковатовым. – А.О.) он к сделанным заявлениям присовокупляет новое, говорит, что при дуэли даже не было определено, кто чей секундант был, и старается об одном – о признании за его рассказами исторической достоверности. «Voilà comme on écrit l’histoire»¹ [13: 114-115].

В дальнейшем, по ходу изложения, постараемся оспорить и опровергнуть уничтожающий вердикт Мартьянова, не знающего сомнений, полагающего себя носителем истины в последней инстанции.

Что и говорить, васильчиковский мемуар в документальной ипостаси страдает изъянами: сказывается абберация памяти – все-таки прошло три десятилетия с рокового пятигорского лета, детали забываются и корректируются, минувшее поневоле несет след сегодняшнего дня, изменился взгляд на Лермонтова-творца, некогда просто приятеля, пишущего стихи и публикующегося в журналах (их всего-то около трех десятков), числившегося в преемниках Пушкина, а ныне, не в последнюю очередь в связи с публикацией ранее не увидевших свет произведений, набирающего иной вес и масштаб, всероссийскую популярность и всеобщее признание, обретающего статус классика отечественной словесности.

---

¹ «Вот так делается история» (фр.)

Опять же мемуарист, желает он того или нет, всегда субъективен. Как потом окажется, Васильчиков прибег к фигуре умолчания о дуэльной лермонтовской фразе перед мартыновским выстрелом, кардинально повлиявшей на исход дуэли (об этом в своем месте). Привлекая неоспоримые фактические данные пред- и последуэльных дней, касающихся Васильчикова, исследуя его воспоминания, обратимся к хронологии, памятуя о том, что лермонтовско-васильчиковские контакты продолжались, как упоминалось, немногим более месяца, а дуэльный катаклизм занял всего двое суток.

По приезде Васильчикова в Пятигорск участники образовавшегося тесного приятельского сообщества, не исключая Мартынова, регулярно наезжавшего в июне из Железноводска, проводили время вместе почти ежедневно.

Чуткому к любой фальши, лицемерию, двоедушию, Лермонтову должна была импонировать личность молодого аристократа, образованного, независимых суждений и убеждений, лишённого заносчивости и высокомерия, демократичного в общении с друзьями-приятелями. Их сближала еще одна черта: последовательно критическое отношение к свету, великосветской знати. Так, в связи со смертью Пушкина Васильчиков отреагировал прямо и недвусмысленно: «Это был первый случай в моей жизни, что я услышал ту фальшивую ноту, которая впоследствии часто, почти постоянно поражала мой слух, именно: что мнение петербургского высшего света шло вразрез с общественным мнением и не только с мнением крайне радикальных партий, но с воззрениями и суждениями всех образованных людей, не принадлежащих к высшему обществу» [6:9]. Потому приписываемые Мартыновым Лермонтову язвительные клички молодого князя – его собственное изобретение, не имеющее ничего общего с тем, каким он был в действительности, иначе это обязательно вызвало бы отторжение всех, кто его окружал. Оскорбительные клички и прозвища Васильчикова, будь они произнесены публично или за его спиной, неотвратимо привели бы к дуэли.

О том, насколько доверительны и близки были между собою лермонтовские приятели, насколько они по-доброму, бережно относились друг к другу, ценя в другом самое лучшее и достойное, может косвенно свидетельствовать прочувствованный (увы, оставшийся неоконченным) некролог Васильчикова на смерть Глебова, обнаруженный не столь давно С.Б.Латышевым и В.А.Мануйловым, цитируемый в книге В.А.Захарова «Тайна последней дуэли»: «Он умер, как многие умирают на Кавказе, бесшумно, но с твердостью, в чине ротмистра Гвардии, на 28 году от роду; и смерть его, как и жизнь, была проста, коротка и славна.

Кто знал его, милого друга, верного товарища, храброго офицера, кто испытал его высокое радушие, светлый ум и доброе сердце, тот, верно, сохранил ему память сердечную. Но он достоин и памяти общественной, если только труды, страдания, раны, мучительный плен могут заслужить 28-летнему ротмистру благодарность и сострадание друзей. Если же мы и судим пристрастно, то да извинит нас тесная дружба с покойником, и пусть рассказ будет принят как сердечное воспоминание, как надгробная молитва».

«Нам думается, – заключают лермонтоведы, – что эти простые дружеские строки характеризуют не только Глебова, но и их автора Васильчикова» [7:329-330].

Во взаимоотношениях же «лермонтовцев», думается, не обходилось без шуток, острот, прозвищ – в большинстве случаев вполне терпимых, беззлобных, без намерения обидеть, тем паче, унижить и оскорбить – все в рамках дружелюбия, тонкой грани, отделяющей остроумие от злоязычия. Иногда, как ни печально, случались срывы, терялась мера, в особенности со стороны острого на язык Лермонтова, не заходившего, однако, слишком далеко, извинявшегося «за перебор», если чувствовал издержки собственного едкого шутовства.

Курортная жизнь шла своим чередом. Ее мирное течение внезапно омрачилось для лермонтовского круга неожиданной словесной стычкой Лермонтова с Мартыновым в доме Верзилиных 13 июля, где веселилась собравшаяся молодежь. В воспоминаниях Эмилии Шан-Гирей, точность и правдивость которых неоспоримы, запечатлен этот

эпизод – искра, переросшая в тот же вечер в дуэльный пожар. Расшалившиеся, как дети, Лермонтов и Лев Пушкин беспрестанно остряли: «Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его «*montagnard au grand poignard*»² (Мартынов носил черкеску и замечательной величины кинжал). Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово *poignard* раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах», – и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание: «Язык мой – враг мой», – Михаил Юрьевич отвечал спокойно: «*Сe n'est rien; demain nous serons bons amis*»³ [10: 432].

Дальнейшее передает присутствовавший на вечере Васильчиков: «...Выходя из дома на улицу, Мартынов подошел к Лермонтову: «Вы знаете, Лермонтов, что я очень часто терпел ваши шутки, но не люблю, чтобы их повторяли при дамах», – на что Лермонтов таким же спокойным тоном отвечал: «А если не любите, то по т р е б у й т е у м е н я у д о в л е т в о р е н и я». <...> Хотя формальный вызов на дуэль и последовал от Мартынова, но всякий согласится, что вышеприведенные слова Лермонтова «потребуйте от меня удовлетворения» заключали в себе уже косвенное приглашение на вызов, и затем оставалось решить, кто из двух был зачинщик и кому перед кем следовало сделать первый шаг к примирению» [10: 470].

Таким образом, во вспыхнувшей пикировке, принявшей серьезный оборот из-за лермонтовской неуступчивости, князь не скрывает своего мнения: при доброжелательном отношении на человеческом уровне к одному и другому, он, объективно оценивая позиции сторон, поддерживает «Мартышку», а не Мишеля, выступая как бы в роли третейского судьи. По Мартынову же именно Васильчиков доводит конфликт до неизбежной кульминации – без уточнения, как, какими средствами он этого добивается, оставаясь безмолвным свидетелем обоюдного столкновения, и затем, уже в качестве секунданта, предопределяет фатальное для Лермонтова дуэльное соперничество – опять без минимальной аргументации якобы злоумышленных его действий, в то время как самую активную роль в ходе поединка играли Глебов и Столыпин.

5.

Напомним чилаевско-мартыяновский тезис: смертельную интригу против остролова Лермонтова самолюбивый и обидчивый князь начал плести с того момента, как только услышал от поэта насмешливые клички и прозвища, больно его задевшие, не говоря уже о попутно следовавших эпиграмматических уколах, ожидая подходящего случая для мстительного ответа.

Тут-то Мартыянов выводит на сцену реальных, как он убежден, вдохновителей заговора, услугами которых воспользовался Васильчиков, – мифических, безымянных мерлинистов, постоянных посетителей дома Екатерины Ивановны Мерлини. По мартыяновской версии, они поначалу воспринимали Лермонтова вполне лояльно, однако какая-то их часть возненавидела дерзкого поручика. Толчком в радикальной перемене позиции послужил, как уверяет Чилаев, бал организованный Лермонтовым и его друзьями 8 июля у грота Дианы в пику затеваемый в честь именин князя В.С.Голицына праздничного торжества в казенном саду, намеченного на 15 июля. «Вот причина к ожесточению отпавшей кучки мерлинистов и гнусному шепоту: «Проучить надо ядовитую гадину», – без тени сомнения умозаключает Мартыянов [13: 61], опираясь почему-то на вездесущего и всезнающего Чилаева, но заимствуя это безапелляционное

² горец с большим кинжалом (фр.)

³ Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями (фр.)

суждение из «вольных» воспоминаний Н.П.Раевского – да еще в пересказе В.Желиховской.

Если бальное лермонтовское увеселение на свежем воздухе, вызвавшее взрыв негодования мерлинистов, прошло 8 июля, а инцидент на верзилинском вечере датируется 13 июля, то заговорщики вместе с Васильчиковым спланировали и подготовили его (неведомо как) всего за четыре дня. Невероятно, непредставимо! Никем не доказана причинно-следственная связь между этими двумя событиями. Надобно помнить и о благожелательном отношении Голицына к Лермонтову, как к мужественному и храброму воину. Именно он как командующий кавалерией на левом фланге Кавказской линии представил к награде поручика Тенгинского полка за участие в осенней экспедиции в Чечне. Встречались они в Пятигорске. Куда существеннее недоумение: почему мерлинисты (кто они? что за личности? каково их число?) вступаются за голицынскую честь. Как бы то ни было, эту «антилермонтовскую стаю», по Чилаеву, охотно взялся возглавить Васильчиков: «Озлобление отпавших от лермонтовского кружка мерлинистов, по рассказу В.И.Чилаева, было сильное. Им хотелось во что бы то ни стало дискредитировать лермонтовское диктаторство, вовлечь поэта с кем-нибудь в ссору, довести, до дуэли, до суда, до разжалования в рядовые и удалить таким образом от общества. Орудием для того был избран Мартынов, а рукой, направлявшей орудие, – «князь Ксандр». Недобрая роль выпала в этой интриге на долю князя: который, затаив в душе нерасположение к поэту за беспощадное разоблачение его княжеских слабостей, он, как истинный рыцарь иезуитизма, сохраняя к нему внешне прежние дружеские чувства, взялся руководить интригой в сердце кружка и, надо отдать справедливость, «мастерски исполнил» порученное ему дело. Он сумел подстрекнуть Мартынова обуздать человека, соперничавшего с ним за обладание красавицей, раздуть вспышку и, несмотря на старания прочих товарищей примирить их, довести соперников до дуэли, уничтожить «выскачку и задиру» и после его смерти числиться одним из его лучших друзей. «От него самого я слышал, – говорил В.И.Чилаев, – такого рода отзыв о поэте: «Мишеля, чтобы там ни говорили, а поставить в рамки следует!»» [13: 64-65].

В реальности, мы знаем, что завязка трагедии и ее последующее течение вплоть до смертоносного мартыновского выстрела лишены конспирологического подтекста, заговорщицкой составляющей. Все проще и обыденнее, разве что нюансы человеческой психологии, специфика темперамента и характера приятельской пары открыто и в той же мере подспудно окрашивают и оттеняют происходящие в повседневном пространстве спонтанное начало и с каждым витком все более углубляющееся конфликтное напряжение, с неизбежно большим количеством бытовых деталей, сочетающееся с непредсказуемостью кровавого финала.

Мартынов, побуждаемый Лермонтовым, отказывающимся от извинений и обещания впредь «оставить свои шутки», вызывает того на поединок в согласии с требованием дворянской чести – иного выхода из сложившегося тупика не оставалось. Поскольку дуэль – дело уголовное, властями и законом запрещенное, вызов сохранялся в тайне. Не случайно даже для близких к лермонтовскому окружению дуэльная развязка стала полнейшей неожиданностью. Чилаев и Мартынов мнения абсолютно противоположного: все обыватели, сам комендант Пятигорска Ильяшенков узнали о грядущем поединке. Если верить Мартынову, никого не обошла интригующая весть о грядущей дуэльной схватке: «На другой день весь город знал о сделанном Мартыновым вызове на дуэль Лермонтову. У источников, на бульваре и в казино известие об этом возбудило оживленные разговоры. Все, кого поэт когда-либо погладил не по шерсти, обрадовались случаю позлословить и бросить комом грязи в «сочинителя» и «гносного виршеплета». Мерлинисты торжествовали. Мартынов был принят гласно под их покровительство. За ним признали обиженную сторону и право вызова. «Он иначе поступить не мог,», – восклицали они авторитетно, – ведь нужно же, наконец, кому-нибудь и образумить этого зарвавшегося мальчишку!» При появлении «счастливого

несчастливца» в обществе его приветствовали, пожимали ему руки и укрепляли в решимости довести дуэль до конца. У Верзилиных он был принят весьма предупредительно и внимательно. М-ше Эмилия соизволила благосклонно выслушать его рассказ о вызове и, не без некоторого самодовольствия, одобрила его рыцарский пыл в деле истребования удовлетворения оскорбленной чести» [10: 76-77].

Наконец:, «пятигорское начальство», услышав о вызове, встрепенулась было; полковник Ильяшенков испугался, вскипел, по фигуральному выражению В.И.Чилаева как самовар, и потребовал Лермонтова к себе, с намерением тотчас его, как окончившего курсы лечения, отправить в полк. Но посланный вестовой вернулся с ответом, что поручик Лермонтов изволят быть выбымши в Железноводск, а некоторые влиятельные марлинисты (кто такие? Какова их «влиятельность»? как далеко она распространяется? – А.О.) успокоили старика, уверив его, что «ночной вызов на дуэль» – не что иное, как шутовство, которое приведет только к распитию дюжин двух шампанского, но отнюдь не к дуэли. Старик поддался на эти уверения, но чтобы не казаться безучастным, отдал приказание, чтобы Лермонтов, если он вернется в Пятигорск, тотчас по прибытии явился к нему» [10: 80].

Какое простодушие официального государственного лица, однако! Тут как тут и «влиятельные марлинисты» (сколько их? – А.О.), зорко наблюдающие за реализацией затеянной ими интриги, стоявшие, надо думать, «за дверью» и готовые вмешаться, подавить любое сопротивление их заговорщицкому плану. По логике вещей, не лишенный здравомыслия Ильяшенков, хотя бы краем уха услышавший о предполагаемой акции, автоматически приказал бы арестовать в первую голову зачинщика дуэли, коим выступал (пусть формально) Мартынов, находившийся в зоне его досягаемости. Минимум в течение часа инцидент был бы исчерпан, дуэли не дано было бы свершиться. Попутно в Железноводск (всего-то полтора десятка километров от Пятигорска) снарядил бы своих людей для препровождения Лермонтова в комендатуру на предмет разбирательства в готовящемся преступном деянии. Но что Мартынову, одержимому навязчивыми фантазиями. Нет границ полету его воображения. Красноречивый образец его беллетристической неумности – эпизод встречи поэта накануне дуэли с дальней родственницей Катенькой Быховец. Приходится удивляться, откуда почерпнуты подробности (мнимые, разумеется) преддуэльного общения с юной и миловидной девушкой. Приведу пространный фрагмент мартьяновского «живописания». Тонкость в том, что фиксируется неоспоримое свидетельство: неожиданная встреча поэта с Быховец и какое-то время, проведенное с нею в кофейне Рошке. Реальность, однако, расцвечена буйством мартьяновской фантазии – особенно в диалогической части. Предварением диалога служит упоминание как об очевидном приезде Глебова к Лермонтову с известием о месте и времени дуэли, в то время как это всего-навсего одна из версий: «Михаил Юрьевич, получив уведомление от Глебова о назначении секундантами времени и места дуэли, тотчас собрался и выехал в колонию Шотландку (Каррас), где в ресторанчике услужливой немки Анны Ивановны Рошке (имевшей, по словам Н.П.Раевского, двух молоденьких и премиленьких прислужниц, Мильхен и Гретхен, погибель для l'armee russe) его должен был встретить Глебов для сообщения ему условий, при которых должна состояться дуэль с Мартыновым. Друзья встретились и порешили пообедать у Рошке с тем, чтобы после обеда отправиться на место поединка. В это время проезжала из Пятигорска в Железноводск соседка Верзилиных, помещица Прянишникова, с племянницею, девицею Быховец (известной более по данному ей Лермонтовым прозвищу «la belle poire»). Они также остановились у Рошке. Слово за слово, любезность за любезность – составил семейный обед. Перед грозой стояла страшная жара и духота, ехать в полуденное время оказалось утомительным, и дамы с удовольствием согласились разделить скромную трапезу двух друзей, тем более что они еще дорогою предполагали также пообедать у Рошке. За обедом разговор оживился. Дамы рассказывали о великолепии устроенного князем Голицыным вечера, о выписанном из

Ставрополя оркестре музыки, о роскошном убранстве павильона, о лицах, получавших приглашение. Лермонтов слушал, смеялся и острил по обыкновению. О себе сказал, что едет на бой с гигантом-Мартышкой. Заметив улыбку недоверчивости на устах m-lle Быховец, он попросил позволения рассказать подробности и сочинил целый фантастический рассказ о том, как в дебрях кавказских гор, за Кубанью, Лабой и Белой, на побережьях Черного моря живут люди-обезьяны с длинными лапами и хвостами, и как они похищают молодых казачек для игр и пляски в лесу.

– Да разве в России есть обезьяны? – перебила его со смехом m-lle Быховец.

– В России, – отвечал серьезно Лермонтов, – конечно, нет, но на Кавказе, в непокоренных еще нами горах, есть.

– Ну, ну, рассказывайте! – продолжала смеяться девушка, откинувшись на спинку кресла, сняла с головы золотую фероньерку и, играя ею, потребовала как можно скорее сути рассказа.

Лермонтов самым серьезным тоном продолжал фантазировать, как он весною, командуя вольным отрядом своих нукеров и джигитов, проник в кокосовые леса, заселенные людьми-обезьянами, как он бился там с целым легионом мартышек, как освободил плененную ими одну красавицу и как предводитель их, исполин-мартышка, разыскивал его и, наконец, найдя, требует ее возврата, в противном случае вызывает на дуэль.

– И вы будете, драться? – спросила участливо девушка.

– Мое правило: от счастья и от дуэли не отказываться! – отвечал поэт.

– На чем же вы будете драться?

– На дубинках.

– Как же это?.. Да рассказывайте скорее! Вы видите, что я интересуюсь, – лепетала раскрасневшаяся m-lle la belle poigе.

– Извольте! – отвечал с покорным наклоном головы поэт. – Дуэль на дубинках весьма оригинальна. Она стоит того, чтобы цивилизованные страны ее приняли. Во-первых, противники меряются физической силой. На проведенной между ними черте становятся лицом друг к другу, берут за концы поданную им секундантами дубинку обеими руками и, по сделанному ими знаку, начинают тянуть друг друга к себе. Кто кого перетянет за черту или вырвет из рук противника дубинку, тот и считается победителем. Во-вторых, противники испытываются в искусстве метания дубинок. Для этого они становятся рядом и по знаку бросают дубинки. Чья дубинка будет брошена дальше, тот победитель. В-третьих, соперники испытываются в ловкости – они дерутся на дубинках. Кто первый нанесет удар или вышибет из рук противника дубинку, тот победитель. Одолевший противника в двух состязаниях признается триумфатором и получает от побежденного вознаграждение или берет предмет, из-за которого произошел поединок.

– Что же тут страшного?! – воскликнула с удивлением девушка. – Это игра, а не поединок!

– Страшного, как везде и всюду, – отвечал с улыбкой Лермонтов, – ничего нет. Но бывает, что соперники, разгорячась, не довольствуются одним ударом, схватываются серьезно, и один убивает другого.

– Значит, и вас могут убить? – заинтересовалась уже более серьезно девица Быховец, продолжая играть фероньеркой.

– Не думаю! – улыбнулся снова Михаил Юрьевич. – В особенности, если я буду иметь талисман. Дайте мне вашу фероньерку. Она мне будет вместо талисмана. С нею меня, наверно, не убьют.

– Возьмите, – и девушка подала фероньерку. – А если убьют вас?.. — и, сконфузясь, она не закончила вопроса.

– Не беспокойтесь, – отвечал самоуверенно поэт, – завтра я буду иметь честь доставить ее вам в Железноводске лично и вместе с тем расскажу вам о последствиях моей битвы с гигантом-Мартышкой» [13: 82-85].

Развесистая клюква – другого определения не подберешь для многоречивого мартьяновского «изделия».

О самой дуэли Мартьянов пишет скупно, цитируя воспоминания Н.П.Раевского, как известно, на месте поединка не присутствовавшего, рассказывавшего о нем с чьих-то чужих слов. Наряду с этим он вынужденно воспроизводит несколько строк васильчиковских воспоминаний о кульминационном моменте дуэльного противостояния, пытаюсь неуклюже дезавуировать свидетельство непосредственного участника разыгравшейся трагедии и в целом рассказ очевидца оценивает без излишних ухищрений: «Во всей этой Ксандриаде нет ни слова правды!» [13: 95]. Способ же доказательства «неправдивости» самый простой: васильчиковским фактам противопоставляются аргументы собственного изготовления. Сошлемся хотя бы на один характерный пример. Васильчиков пишет, что с ним и Глебовым в качестве секундантов на дуэли находились Столыпин и князь Трубецкой. Ничего подобного, – возражает Мартьянов. Они в это время по приглашению Голицына, отмечавшего именины, находились у него на обеде. Столыпин-де остался в Пятигорске, Лермонтова отправил в Железноводск для обустройства квартиры, ибо ранее договорились о курсе принятия тамошних ванн.

Мартьянов разворачивает поистине детективный сюжет, заслуживающий цитирования ввиду своего фактического неправдоподобия: «В этот же день, то есть 15-го июля, – импровизирует он, громоздя подробности и детали, о которых заведомо не мог знать, – князь Владимир Сергеевич Голицын был именинник. У него для избранного общества назначен был обед, а вечером – тот пресловутый праздник в Ботаническом саду, о котором весь город говорил уже несколько дней. Утром он прислал приглашение на обед и праздник Столыпину и Лермонтову. Было ли то особенное внимание к представителям светской молодежи или просто любезность стоящего выше личных счетов вельможи, была ли то великодушная месть за неприглашение его молодежью на пикник в грот Дианы, или коварный умысел – лишить Лермонтова в самый момент расстрела поддержки самых близких друзей (Мартынов приглашения не получил), а следовательно, и примирения – осталось неизвестно. Известно только, что Столыпин, получив приглашение, поехал поздравить князя и поблагодарить за внимание. А так как в этот день он ожидал возврата Лермонтова из Железноводска для окончательных распоряжений о переезде туда, то и оставил записку о том, чтобы он по приезду явился к коменданту Ильяшенкову, а после приходил к князю Голицыну. У именинника Столыпин нашел большое общество, все выдающиеся представители его были в сборе. Князь Владимир Сергеевич принял его с особенным радушием и гостеприимством. Осведомился о Лермонтове и, узнав, что он ждет его из Железноводска, выразил надежду, что он, вероятно, также не побрезгует хлебом-солью старика. Наконец, при дальнейших разговорах так расположил к себе Алексея Аркадьевича, что он изъявил согласие провести у князя весь день. Князь С.В.Трубецкой получил также приглашение и находился тут же. Около четырех часов начался обед, и вот, когда лилось шампанское рекой, а на дворе бушевали стихии: гремел гром, зигзагами вилась молния и хляби небесные разверзлись потоками дождя, – было получено известие о дуэли и смерти М.Ю.Лермонтова» [13: 81-82].

Приведенная вымышленная конструкция рассыпается, если учесть один из сохранившихся письменных документов – записку Глебова Мартынову, находившемуся под арестом после дуэли. В ней секундант Мартынова предупреждает его об обязательном сокрытии на следствии и суде участие Столыпина и Трубецкого в дуэльном деле, чтобы оградить их от очень больших неприятностей со стороны властей: Столыпина как выступающего в роли секунданта уже во второй раз после лермонтовской дуэли с де Барантом (ему грозило уголовное наказание), Трубецкого как нелегально находящегося в Пятигорске. Так что ни тот и ни другой в грозный час не вкушали яства у князя Голицына, но находились у подножия Машука вместе с Васильчиковым и Глебовым, будучи номинальными секундантами дуэльного действия. Для Мартьянова это не важно,

собственные фантазии для него превыше всего, он искренне убежден в их правдивости и истинности. Они заполняют практически все его сочинение. Лишь малая их часть, особенно одиозная по содержанию и направленности, привлечена мною в данной работе.

6.

Настал черед все же внимательно выслушать Васильчикова, единственного из всех фигурантов пятигорской катастрофы, поведавшего о ее невыдуманных реалиях. В отечественном лермонтоведении к его воспоминаниям относятся предельно скептически, как к уклончиво-двусмысленной, противоречивой попытке оправдать себя, скрыть вину за прямое пособничество в устранении поэта – и все оттого, что васильчиковская «мемория» решительно расходится с донныне доминирующей трактовкой лермонтовского ухода, спровоцированного будто бы внешними враждебными силами, жаждавшими физического устранения гения. Дело еще и в том, что Васильчиков диалектически подошел к характеристике лермонтовской личности, к ее неоднородности, смещению в ней положительного и, выражаясь деликатно, не очень привлекательного, предосудительного, позволил себе быть откровенным, без боязни вызвать неприятие, осуждение общественностью, высказывая о портретируемом не очень лестные вещи. Ведь только он, близко знавший Лермонтова, пусть через тридцать лет после его внезапной гибели, воскресил живой, не мумифицированный личностный облик одного из самых выдающихся представителей русской словесности. Все остальные, общавшиеся с «Мишелем», самые ближайшие его друзья – Станислав Раевский, Алексей Лопухин, родственник Алексей Столыпин, люди с безупречной репутацией, предпочли молчание, не оставили ни одной строки о том, кого досконально знали многие-многие годы. Исключение – биографический очерк Акима Шан-Гирея, написанный в 1860 г. И ждавший публикации (по невыясненным причинам) целых три десятка лет. Парадокс, по сию пору остающийся неразгаданным.

Обращаясь к далекому пятигорскому прошлому, Васильчиков вспоминает: «Мы жили дружно, весело и несколько разгульно, как живет в этом беззаботном возрасте, двадцать – двадцать пять лет. Хотя я и прежде был знаком с Лермонтовым, но тут узнал его коротко, и наше знакомство, не смею сказать наша дружба, были искренны, чистосердечны. Однако глубокое уважение к памяти поэта и доброго товарища не увлечет меня до одностороннего обвинения того, кому, по собственному его выражению, злой рок судил быть убийцею Лермонтова» [10: 468].

Подобный «адвокатирующий» взгляд на Мартынова принимается в штыки лермонтоведами, он попросту шокирует их, смещая акценты в обозначении первопричин конфликта в сторону дуэльного соперника, своими действиями, спровоцировавшего отставного майора бросить ему вызов. Васильчиков без боязни быть неправильно понятым пишет о непростоте лермонтовского характера: «В Лермонтове (мы говорим о нем как о частном лице) было два человека: один добродушный для небольшого кружка ближайших своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особое уважение, другой – заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых» [10: 468]. В силу этого в бытовой, поведенческой сфере рано или поздно должна была вырваться импульсивная «вздорная» вспышка с непредсказуемыми последствиями, приходит к логичному выводу Васильчиков: «Итак, отдавая полную справедливость внутренним побуждениям, которые внушали Лермонтову глубокое отвращение от современного общества, нельзя, однако, не сознаться, что это настроение его ума и чувств было невыносимо для людей, которых он избрал целью своих придирок и колкостей, без всякой видимой причины, а просто как предмет, над которым он изощрял свою наблюдательность» [10: 470]. Не ограничиваясь констатацией этого изъяна лермонтовской натуры, автор мемуара не сомневается в правомерности катастрофической развязки в судьбе поручика Тенгенского пехотного полка, случившейся у подножия Машука в душный июльский вечер: «Положа руку на сердце, всякий беспристрастный свидетель должен признаться, что Лермонтов сам, можно

сказать, напросился на дуэль и поставил своего противника в такое положение, что он не мог его не вызвать.

Я как свидетель дуэли и друг покойного поэта, не смею судить так утвердительно, как посторонние рассказчики и незнакомцы, и не считаю нужным ни для славы Лермонтова, ни для назидания потомства обвинять кого-либо в преждевременной его смерти. Этот печальный исход был почти неизбежен при строптивом, беспокойном его нраве и при том непомерном самолюбии или преувеличенном чувстве чести (*point d'honneur*), которое удерживало его от всякого шага к примирению» [10: 472-473].

Если бы Лермонтов принес лично свои извинения обиженному Мартынову, как то случилось не однажды прежде, приятельские отношения вернулись бы, несомненно. Явно фаталистически настроенный поэт уклонился от ожидаемого Мартыновым встречного шага, что предопределило его уход из жизни.

«Извинительный» поворот не исключался и в процессе дуэли, когда, по общепринятой традиции, обеим сторонам предлагалось помириться – при том, что собравшиеся явно не ожидали трагического оборота дуэльной схватки, склонны были тем или иным образом погасить стычку. К величайшему сожалению, никто из секундантов не видел в лице поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Юрьевича Лермонтова выдающегося русского поэта. Для них он просто сотоварищ, приятель, курортный собрат, озорник, остроумец, задира Маешка, чьи шутки не совсем приходились по вкусу, но к этому относились снисходительно.

Преклонявшийся перед Лермонтовым философ и публицист Ю.Ф. Самарин сразу после известия о его гибели записал в дневнике: «...Лермонтова признавали не все, поняли немногие, почти никто не любил» [10: 380].

Сослуживец поэта по Гродненскому гусарскому полку, поддерживающий с ним достаточно близкие отношения в пятигорское лето А.И. Арнольди рассказал своему собеседнику В.И. Шенроку: «Мы не обращали на Лермонтова никакого внимания, и никто из нас и нашего круга не считал Лермонтова настоящим поэтом, выдающимся человеком. Тогда еще немногие стихотворения Лермонтова были напечатаны и редкие нами читались... Ведь много лучших произведений Лермонтова появилось в печати уже после его смерти... Его чисто школьнические выходки, проделки многих раздражали и никому не нравились. Лермонтов был неуживчив, относился к другим пренебрежительно, любил ядовито острить и даже издеваться над товарищами и знакомыми, его не любили, его никто не понимал.

Даже и теперь я представляю себе непременно двух Лермонтовых: одного – великого поэта, которого я узнал по его произведениям, а другого – ничтожного, пустого человека, каким он мне казался, дерзкого, беспокойного офицера, неприятного товарища, со стороны которого всегда нужно было ждать какой-нибудь шпильки, обидной выходки... Мы все, его товарищи– офицеры, нисколько не были удивлены тем, что его убил на дуэли Мартынов, которому столько неприятностей делал и говорил Лермонтов; мы были уверены, что Лермонтова все равно кто-нибудь убил бы на дуэли: не Мартынов, так другой кто-нибудь...» [10: 559-560].

История самой дуэли полна неразрешимых загадок, кроме части, касающейся ее непосредственного хода и течения, восстановленной по памяти Васильчиковым через тридцать лет. Из его рассказа можно понять, насколько несерьезно, беспечно воспринял ближний приятельский лермонтовско-мартыновский круг вспыхнувшую ссору, и настоящие усилия, чтобы ее предотвратить не предпринимали в надежде, что все в крайнем случае обойдется обменями выстрелами, пожатием рук, распитием шампанского по возвращении: «...Мы эту ссору считали столь ничтожной и мелочной, что до последней минуты уверены были, что она кончится примирением» [10: 470].

Создается впечатление, что, кроме определения времени и места поединка, ни о чем другом договорено не было – все из-за того же легкомыслия, уверенности в несерьезности происходящего. Потому и съехались к подножию Машука все вместе, не

согласовав предварительно, как положено, порядок проведения дуэли, конкретных секундантов с каждой стороны. Ведь четверо секундантов в правилах (неписаных; первый печатный дуэльный кодекс появился во Франции в 1836 г.) и практике русских дуэлей – случай неслыханный. Надо думать, последовало предложение пожать друг другу руки и кончить дело миром. Когда противники ответили отказом, пришлось на ходу решать, на каких условиях стреляться. Непонятно, от кого исходила инициатива о трех выстрелах, зачем и кому это было нужно, почему дуэлянты согласились с этим странным в данном случае условием. Позже расспрашивавший Васильчикова дотошный и педантичный Висковатов обошел эту тему. Очень жаль. В России известны случаи стреляться до результата (первой крови, смертельного ранения), при которых не оговаривается общее число выстрелов. Предполагалось, наверное, после бескровного трехкратного обмена выстрелами, считать вытекающее из этого обоюдное удовлетворение.

Неразбериха получилась и с секундантами. Послушаем Висковатого: «Когда я спросил кн. Васильчикова, кто собственно был секундантом Лермонтова, он ответил, что собственно не было определено, кто чей секундант. Прежде всего Мартынов просил Глебова, с коим жил, быть его секундантом, а потом как-то случилось, что Глебов был как бы со стороны Лермонтова. Собственно, секундантами были: Столыпин, Глебов, Трубецкой и я. На следствии же показали: Глебов себя секундантом Мартынова – я Лермонтова. Других мы скрыли. Трубецкой приехал без отпуска и мог поплатиться серьезнее. Столыпин уже был раз замешан в дуэль Лермонтова, следовательно, ему могло достаться серьезнее» [4: 423]. Конечно же, «хоровое» ведение дуэли в принципе маловероятно, трудно исполнимо. Кто-то из четверки наверняка взял на себя функцию распорядителя. По моему убеждению, Столыпин. Стрелялись из его пистолетов (их видел потом на квартире Аким Шан-Гирей [10: 54-55], после чего они перешли к его брату Дмитрию, кои лицезрел Висковатов [5: 422]. Полуторогодичной давности участие в лермонтовской дуэли с де Барантом, давало Столыпину моральное право взять на себя лидирующую роль. Уже одно это, кстати, обеспечивало «чистоту» дуэльного противостояния, которое в коротком васильчиковском пересказе оттеняет в ней этапные моменты: «Мы отмерили с Глебовым тридцать шагов; последний барьер поставили на десяти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходится каждому на десять шагов по команде: «марш». Зарядили пистолеты. Глебов подал один Мартынову, я другой Лермонтову, и скомандовали: «Сходись!» Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста. В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на него и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру и выстрелил. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успел даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные.

Мы подбежали. В правом боку дымилась рана, в левом – сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкие» [10: 471].

Как окажется позже, очевидец рассказал далеко не все. В беседе с Висковатым он уточнял: «Лицо (Лермонтова. – А.О.) приняло презрительное выражение, и он, не трогаясь с места, вытянул руку вверх, по-прежнему вверх направляя дуло пистолета. «Раз... два... три!...» – командовал между тем Глебов. Мартынов уже стоял у барьера. «Я отлично помню, – рассказывал далее князь Васильчиков, – как Мартынов повернул пистолет курком в сторону, что он называл «стрелять по-французски»! В это время Столыпин крикнул: «Стреляйте или я разведу вас!» Выстрел раздался, и Лермонтов упал, как подкошенный, не успев даже схватиться за больное место, как это обыкновенно делают ушибленные или раненные» [10: 425]. Васильчиков утаил от Висковатова чрезвычайно важную деталь, всплывшую сразу же после его смерти. Хорошо знавший князя В.Я.Стоюнин многожды с ним встречавшийся, в некрологе уделяет место дуэльной

истории, записанной со слов самого Васильчикова: «Лермонтов всегда устремлял свои язвительные насмешки на тех лиц, которые давали ему слабый отпор, и часто опрометчиво оскорблял их, не думая потом брать назад свои слова. То же случилось и в последнем столкновении его с Мартыновым, которого постоянно он язвил сарказмами; не находя в нем достаточно силы, чтобы отвечать тем же, он позволял себе зайти слишком далеко: стал унижать своего слабого противника в присутствии особы, которую тот очень интересовался. Мартынов был наконец выведен из терпения и обратился к поэту с упреками, в ответ на которые тот новыми шутками почти заставил его вызвать себя на дуэль. Она была, так сказать, навязана Мартынову, хотя вызов и последовал с его стороны. Расстроить ее не было никакой возможности. Когда Лермонтову, хорошему стрелку, был сделан со стороны секунданта намек, что он, конечно, не намерен убивать своего противника, то он и здесь отнесся к нему с высокомерным презрением, со словами: «Стану я стрелять в такого д...», не думая, что были сочтены его собственные минуты» [5: 39, приложение].

Удивительно, как педантичный Висковатов, стремившийся учитывать все сколько-нибудь значимые факты, относящиеся к теме, знавший о стоюнинском некрологе, не упомянул о нем в своей книге.

Из секундантских сведений Васильчикова вырисовывается близкая к действительности картина финала трагедии. Расстояние между дуэлянтами около 35 шагов. Приблизившегося к барьеру Мартынова (10 шагов) и оставшегося на месте Лермонтова (он имел на это право) разделяло 25 шагов (порядка 20 метров) – дистанция весьма внушительная. Поразить противника с такого расстояния – задача не из легких, да еще из нарезного кухенройтера, повернутого «по-французски», что уменьшало возможность попадания в цель.

Еще раз реконструируем последние мгновения дуэли с некоторыми необходимыми уточнениями для верного понимания психологического состояния дуэлянтов.

Итак, противников развели на вполне приличное расстояние. После команды «Сходись!» Мартынов двинулся к барьеру и, подойдя к нему, начал целиться в Лермонтова. Тот, не нарушая условий поединка, повернулся к визави правым боком, прикрыв его согнутой в локте рукой с поднятым вверх пистолетом, чтобы уменьшить зону поражения, обезопасив уязвимое место, как это делали опытные и умелые дуэлянты, и спокойно ждал мартыновского выстрела. Мартынова подобный разворот событий застал врасплох. Он, растерявшийся, явно медлил, хотя уже отзвучал обусловленный отсчет «раз – два – три». Затянувшаяся пауза после произнесенного Столыпным «Три!» сменилась его эмоциональным возгласом: «Стреляйте или я развею вас!» В ответ последовало громкое лермонтовское высокомерно-пренебрежительное: «Стану я стрелять в такого дурака...» Мартынов тут же нажал на курок. Пуля попадает в незащищенный участок тела под правым локтем, пронзает легкое и выходит из левого предплечья. Лермонтов упал как подкошенный. Бросив пистолет, Мартынов подбежал к нему: «Миша, прости...» Непоправимое свершилось.

Нет сомнений, если бы Мартынов промахнулся, Лермонтов, как и в дуэли с де Барантом, намеренно выстрелил бы «на воздух». Трагедии удалось бы избежать.

Вина секундантов, действовавших вразнобой, несомненна. Дружный приятельский круг, повторимся, уж слишком легкомысленно отнесся к предстоящему дуэльному столкновению, не предвидев, не предугадав его грозных последствий. Сказалась и лермонтовская привычка не сдерживать себя в иронических насмешках и остротах, не заботясь о том, насколько чувствительно и глубоко они могут ранить. Даже в самый последний момент, перед лицом смертельной опасности, фаталистически настроенный Лермонтов, не удержался от того, чтобы не съязвить в адрес Мартынова, как бы продолжая ехидную насмешку на верзилинском вечере о горце и большом кинжале: стану-де, мол, стрелять в этого дурака, который шутку не понимает. Обозленный, не слишком находчивый и остроумный Мартышка снести этого был не в состоянии. Да и

секунданты не сочли необходимым вмешаться, дабы предотвратить неизбежное. Их растерянность понятна: внезапность, неожиданность лермонтовской уничижительной реплики и мгновенность реакции Мартынова не оставляли времени прервать неумолимое движение дуэли к кровавой развязке. Гораздо позже Васильчиков упрекает Мартынова: «...Нужно ли было непременно убить человека за такую пустую ссору и метить в его сердце для отмщения обиды непредумышленной...» (10: 628), тем самым подразумевая, что у отставного майора был выбор: целиться в приятеля, задевшего его колкой остротой без намерения извиниться, или выстрелить мимо. Но так Васильчиков думал через тридцать лет, минувших после дуэли, когда прошлое представляется в ином свете, чем прежде, и откорректировать, изменить его невозможно. Очень похоже на попытку самооправдания, осознания косвенной, пусть невольной, вины за произошедшую на его глазах и при его участии трагедии.

Сами секунданты, в том числе Васильчиков, не желая того, нарушили прежние договоренности. После раздавшегося отсчета «три!», когда никто из дуэлянтов не выстрелил, следовало немедленно остановить дуэль, оценить случившееся, решить, как же действовать дальше. Однако возобладали эмоции, они-то и обусловили финал, которого никто не мог предвидеть.

И еще об одном штрихе из устных ответов Васильчикова Висковатову, способном ввести в заблуждение тех, кто далек от знания дуэльных тонкостей. Александр Илларионович, вопреки некогда написанному и опубликованному, неожиданно подтверждает слышанное биографом неизвестно от кого о высоко поднятой лермонтовской руке с пистолетом как красноречивом знаке отказа стрелять в противника. Чего-то недопонял Висковатов, поскольку эта поза означала невысказанный, бессловесный посыл: «Стрелять в тебя не собираюсь, надеюсь, и ты поступишь так же», т.е. это проявление слабости, желание остаться в живых, ничем не рискуя, – кто же осмелится целиться и прикончить или хотя бы просто ранить безоружного, по сути принуждение выстрелить формально и получить такой же ответ. Есть даже такой термин – «обмен выстрелами» – формально состоявшаяся дуэль с обоюдным рукопожатием после исполнения требуемого ритуала, тем самым «сохранить лицо». Висковатов «дожимает» Васильчикова: «Когда я его спросил, отчего же он не печатал о вытянутой руке, свидетельствующее, что Лермонтов показывал явное нежелание стрелять, князь утверждал, что он не хотел подчеркивать этого обстоятельства, но поведение Мартынова (отказ рассказать о поединке, что приравнивалось им к самооправданию, когда жив его участник, лермонтовский секундант Васильчиков, в возможностях которого как лица, стоявшего «над схваткой», воспроизвести все объективно. – А.О.) снимает с него необходимость щадить его» [4: 425]. Тогда из приведенной цитаты следует понимать, что Мартынов все-таки хладнокровно ликвидировал при попустительстве секундантов беззащитную жертву, злодей, да и только. Явно напутал почтенный биограф, исказил при записи васильчиковскую позицию, а внести коррективы в печатный висковатовский текст, вышедший в 1891 г. Александр Илларионович не имел возможности по причине отсутствия на этом свете уже более десяти лет.

Почему-то те, кто ныне затрагивает эту тему, в подавляющем большинстве своем мартыновский вызов на поединок расценивают с обязательной предрешенностью финала, которому содействовали секунданты под невидимым и незримым влиянием могущественных верхов. Подобная точка зрения выражена Э.Г.Герштейн: «Со дня гибели Лермонтова осведомленные люди (какие? – А.О.) заподозрили, что поединок велся не по правилам, и догадывались о провокационной роли властей в этой катастрофе. Но они не смели высказать свои догадки полным голосом» [5: 322]. Так и унесли «осведомленные люди» свои прозрения в могилу, не поделившись своим тайным знанием с общественностью. Спрашивается, на кого рассчитан никак не аргументированный обвинительный пассаж: только на идеологизированного адресата, готового безоговорочно

поверить в жестокую, бесчеловечную природу николаевской России – всяческого свободолобия и инакомыслия?

Свидетельству Васильчикова как очевидца должно верить (все другие современники судили о дуэли с чужих слов, пользуясь бог знает какими источниками и потому написанное ими вторично, предельно субъективно). Приведенные Александром Илларионовичем факты убеждают в непредумышленности, честности поединка, по стечению обстоятельств закончившегося трагически, порукой чему репутация и личностные качества Столыпина, Трубецкого, Глебова и самого Васильчикова. Они вызвались взвалить на себя бремя секунданства, прекрасно сознавая вероятные неприятные последствия своего участия в уголовном, противоправном, с точки зрения государства, запрещенном деянии, руководствуясь кодексом дворянской чести. Подозревать кого-либо из них (прежде всего Васильчикова) в интриганстве, враждебности по отношению к Лермонтову, потакании Мартынову в его, как считается, неприкрытом, очевидном злодействе – занятие бесперспективное.

Вызвавшиеся предстать перед судом в качестве секундантов Васильчиков и Глебов, чтобы уберечь от монаршего гнева и расправы Столыпина и Трубецкого, поступили мужественно и в процессе следствия отклонялись от истины в той мере, в какой диктовала необходимость защитить и спасти друзей, вывести их из-под карающей длани закона. Они осознанно вступились за друзей, их готовность следовать до конца принятому решению, за которое они не боятся поплатиться, что вовсе не исключалось, – заслуживает уважения.

Раскаивался ли Мартынов в содеянном? У меня нет сомнений в этом. Полагаю, он не лицемерил, обращаясь с просьбой присутствовать на похоронах Лермонтова: «Для облегчения моей преступной скорбной души, позвольте мне проститься с телом моего лучшего друга и товарища». Начальник штаба Кавказской линии и Черномории полковник Траскин, находившийся тогда в Пятигорске, ответил категорическим отказом, наложив на прошение резкую, лаконичную резолюцию: «!!!Нельзя» [8: 586].

В этом контексте принципиальную важность приобретают два документа, напрямую связанные с Васильчиковым.

Первое. В ходе следствия Мартынов адресовал Глебову и Васильчикову записку, содержание которой не сохранилось, но по ответу на нее Глебова, можно предположить, что Н.С.Мартынов упрекал их в недостаточной активности по его защите. Показательна реакция Глебова: «П р и з н а т ь с я т е б е , б ы л о н а м н е п р и я т н о . Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и всем, но потому, что не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова, и приписываем этот выстрел несчастному случаю (все это знают): судьба так хотела, тем более, что ты в третий раз в жизни стрелял из пистолета (два раза, когда у тебя пистолеты рвало в руке и этот третий), а совсем не потому, чтобы ты хотел пролить кровь, в доказательство чего приводим то, что ты сам не походил на себя, бросился к Лермонтову в ту секунду, как он упал, и простился с ним. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении к Трубецкому и Столыпину, которых имена не должны быть упомянуты ни в коем случае. Надеемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всеми средствами уговаривали. Придя на барьер, напиши, что ждал выстрела Лермонтова» [4: 436-437].

Акценты расставлены Глебовым (и Васильчиковым вместе с ним), чья человеческая репутация вне подозрений, ясно и четко; вина Мартынова минимальна, зато умысла убить Лермонтова он не имел. Случай, Судьба сыграли решающую роль. Возразить вроде нечего. Тем не менее Э.Г. Герштейн ставит под сомнение искренность Глебова и его напарника по секундантским обязанностям: «...Васильчиков и Глебов, в день смерти Лермонтова проявили деловитость и расторопность, приняв необходимые меры для облегчения своей участи» [5: 293]. Неужто они заранее предугадали фатальную развязку. Следовательно, объявляя себя секундантами, идя под суд, спасая товарищей, принимая удар на себя, они делали это из расчета и корысти, а их последующие действия

— «круговая порука», «тайная взаимовыручка» [5: 291]. Попросту говоря, они скрывали суть произошедшего, выгораживали себя, юлили, лукавили, лгали. Как же быть тогда данной ранее в книге ее позитивной характеристикой Глебова и Столыпина в преддуэльную пору? Не сходятся концы с концами. В чем же выражалась причастность к «круговой поруке» и «тайной взаимовыручке» Столыпина и Трубецкого, от которых не дошло ни одного задокументированного слова или свидетельства?

Толкованию вкривь и вкось при нечастом цитировании подвергается другой ценнейший документ – письмо Васильчикова из Кисловодска от 30 июля, то есть через две недели после дуэли, своему приятелю Ю.К.Арсеньеву, вместе с которым он состоял в комиссии барона Гана. Приведу его почти целиком, опуская второстепенные бытовые подробности, не касающиеся дуэльной темы.

«Виноват я пред тобой, любезный Арсенев, что так замедлил отвечать на твое письмо. Но это последнее время было у нас грустное и хлопотливое. Ты, вероятно, уже знаешь о дуэли Лермонтова с Мартыновым и что я был секундантом у первого. Признаться, смерть его меня сильно поразила, и долго мне как будто не верилось, что он действительно убит и мертв. Не в первый раз я участвовал в поединке, но никогда не был так беззаботен о последствиях и твердо убежден, что дело обойдется по крайней мере, без кровопролития. С первого выстрела. Лермонтов упал и тут же скончался.

<...> Мы состоим под арестом, и производится следствие. Меня перевели по моей просьбе в Кисловодск, потому что нарзан мне необходим. Я живу здесь в Слободке скромно, вдвоем с Стальпиным. Меня выпускают в ванны и на воды с часовым. В Кисловодске холодно, как и прошлого года. Кроме того, пусто, как в степи. Мы с Стальпиным часто задумываемся, глядя на те места, где прошлого лета... Но, что старое вспоминать. Из нас уже двоих нет на белом свете. Жерве умер от раны после двухмесячной мучительной болезни. А Лермонтов по крайней мере без страданий. Жаль его! Отчего люди, которые бы могли жить с пользой, а может быть и славой, Пушкин, Лермонтов, умирают рано, между тем как на свете столько беспутных и негодных людей доживают до благополучной старости» [10: 466].

Пока шло следствие, пятигорские власти удовлетворили просьбу Васильчикова о необходимости лечения нарзанными ваннами. С той же, должно быть, целью в Кисловодск последовал Столыпин. Упоминаю о нем специально, ибо в приятельских разговорах, наверняка, всплывали дуэльные события, и, следовательно, высказанное Васильчиковым с большей долей вероятности разделялось Столыпным.

Само письмо примечательно в нескольких аспектах. Оно, написанное по свежим следам трагического инцидента, отмечено искренностью тона и доверительностью, дружеской приязнью к нелепо погибшему товарищу, и уж никакого мстительного чувства, скрытой враждебности, навязываемых лермонтоведами князю, не содержится. Прямо, без обиняков, как само собой разумеющееся автор письма называет себя секундантом Лермонтова – факт, который не может вызвать сомнений в его истинности, из чего и надобно исходить при анализе машукского дуэльного феномена в поисках иных вариантов секундантских обязанностей, хотя бы в силу того, что их распределение носило формальный характер. Лермонтовская кончина воспринимается Васильчиковым как случайно-фатальная – в ряду потерь, неизбежных в жизни, тем более в условиях Кавказской войны, отчего она связывается со смертью от полученных ран в начале 1841 г. их общего приятеля Жерве, члена «кружка шестнадцати».

7.

Общим местом, непререкаемой истиной стало убеждение, что Мартынов вызвал на дуэль великого русского поэта Лермонтова с целью его злонамеренной ликвидации, к тому же завидуя его могучему таланту и общероссийской популярности. Поневоле приходится повториться: лермонтовское окружение (Мартынов не исключение) по причине объективного и субъективного свойства (недолгое присутствие поэта в литературе – всего-то около пяти лет, малое количество обнародованных произведений –

порядка одной четверти из созданного к тому времени, преобладание журнальных публикаций при одном стихотворном сборнике 1840 г., включавшем всего лишь 26 стихотворений и двух поэм, и изданий «Героя нашего времени» 1840 и 1841 г.) не видело в нем выдающегося творца – сказалось явно недостаточное знакомство с творчеством поэта и прозаика, инерция эстетического вкуса. Прижизненная лермонтовская слава была отнюдь не так велика, как ныне принято писать о ней. По-настоящему она пришла к нему гораздо позже, когда в полном объеме увидели свет прежде неизвестные читателю многочисленные стихотворные, прозаические и драматические сочинения. Кульминация общенародного признания падает на 1891 г. – пятидесятую годовщину гибели Лермонтова.

Васильчиков не лукавил, признаваясь незадолго до смерти Висковатову: «...Все мы тогда не сознавали, что такое Лермонтов. Для всех нас он был офицер-товарищ, умный и добрый, писавший прекрасные стихи и рисовавший удачные карикатуры. Иное дело, глядеть ретроспективно» [4: 420]. Э.Г.Герштейн отказывает князю в искренности и правдивости: он-де противоречит самому себе, ставя в письме к Арсеньеву рядом имена Пушкина и Лермонтова. Если внимательно вчитаться в васильчиковский текст, то на самом деле они упоминаются по аналогии, как принадлежащие к стихотворному цеху и погибшие на дуэли, без намерения сопоставления масштабности дарований и места в «литературном строю».

По Герштейн, Лермонтов пребывал в Пятигорске в ореоле поэтической славы и всероссийской известности. Да откуда было знать «водяному обществу» и местным обывателям о литературных заслугах кавказского офицера? Куда большего доверия заслуживает Э.Шан-Гирей (Верзилина): «Если бы тогда мы смотрели на Мих.Юрьевича, как теперь, то этого бы (дуэли. – А.О.) не было. Он был для нас молодым человеком, как все» [10: 439]. Не удастся исследовательнице оспорить и мнение Висковатова, аттестованное как, «тенденциозно подобранные курьезные и случайные отзывы ограниченных людей о поэтической работе Лермонтова» [5: 235]. Лермонтовский же биограф считал: «Большинство видело в нем не великого поэта, а молодого офицера, о коем судили и рядили так же, как о любом из товарищей, с которыми его встречали» [4: 125]. Ведь даже Белинский, восхищавшийся Лермонтовым, написавший о нем больше, чем кто-либо из современников, отводил ему роль пушкинского преемника, у которого пока все «молодо-зелено», но в будущем проявится на уровне его предшественника с достойным гениальных задатков размахом и глубиной. Лермонтова при жизни ценило образованное, просвещенное меньшинство, народное признание придет к нему через несколько десятилетий. Потому 12 июля 1841 г. в Пятигорске собравшиеся провожали в последний путь не светило русской поэзии, но безвременно погибшего поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Юрьевича Лермонтова в присутствии представителей тех воинских подразделений, где ему пришлось служить: командира Нижегородского драгунского полка полковника С.Д. Безобразова, А. Тирана (лейб-гвардии Гусарский полк), А. Арнольди (Гродненский гусарский полк), Н. Лорера (Тенгинский пехотный полк). На могильном камне запечатлели только имя усопшего. После того, как бабушка добила разрешения перезахоронить внука в Тарханах, место его первоначального погребения вместе с камнем затерялись, и сейчас во время экскурсий указывается весьма приблизительно.

Могло ли подобное случиться, будь поручик Тенгинского полка известной поэтической величиной в далекой от центра кавказской провинции, каковыми были Кавминводы? Скорее всего, этот вопрос разряда риторический.

8.

Воспоминания Васильчикова отсылают нас к эмпирическому, бытовому пространству лермонтовской жизни в Пятигорске. Для поэтической личности такого масштаба – это, несомненно, всего лишь вершина айсберга. Глубинный подтекст трагического финала, внешне не дающий о себе знать, сложен и многообразен. Некоторые

его грани здесь уместно обозначить – в противовес доминирующему мнению о насильственном устранении поэта.

Поведенческий лермонтовский стиль вне ближнего приятельского круга, где с пониманием относились к его человеческим слабостям, окружающими воспринимался с раздражением или даже с большей степенью негативности, оборачиваясь жестким неприятием, желчным осуждением. С чьих-то уст срывалось: «ядовитая гадина». Прислушаемся в связи с этим к Висковатову, попытавшемуся выяснить, насколько достоверна эта деталь: «Выражение, которым клеймили поэта многие. Некоторые из современников и даже лиц, бывших тогда на водах, говоря о нем, употребляя эти выражения в беседе со мною» [4: 408]. Васильчиков деликатно называет источник отторжения – «строптивый», «беспокойный нрав» поэта. Нестандартность лермонтовского характера – не злые наветы врагов и завистников, но печально-горестная данность. Ее корни в несовпадении внешнего, «человеческого» и глубинного, духовно-творческого в нем. Диалектичность, противоречивость соотношения двух ипостасей в личности одаренного, талантливое, тем более гениального создателя, великолепно раскрыта Пушкиным («Поэт», 1827):

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Творцу дана уникальная способность, отрешившись от «сора мелочей», вырвавшись из объятий «ничтожного» мира, в процессе творения испытать чудо преображения, вознестись в тайное тайных земного и небесного, за что приходится платить немалую цену. В книге «Уединенное» (1912) Василий Розанов пронизательно раскрыл сущность отмеченного явления: «Талант у писателя невольно съедает ж и з н ь его, съедает с ч а с т ь е, съедает все. Талант – рок. Какой-то опьяняющий рок» (15, стлб.2199). Розановское наблюдение в полной мере раскрывает лермонтовский феномен. Напряженная сосредоточенность поэта на самом себе, «отвлекает» его от мира повседневности, порождает неадекватность реакции на внешние раздражители, делает его «странным» в обиходе, не соответствующим привычным ожиданиям. Свои коррективы в механизм взаимодействия «человеческого» и «аполлонического» вносят личные качества Лермонтова. Он одержим страстной жаждой самоутверждения (в творческой сфере – естественного и объяснимого), подпитываемого подспудно ощущением и комплексом неполноценности (физического – малый рост, некрасивость; социального – неродовитость; психологического – боязнь выглядеть непонятым и смешным). Будучи зорким, остроумным, он в других мгновенно улавливал их слабости и недостатки (действительные и мнимые), давая волю своему языку, порою не зная меры. Как ни парадоксально, в этом проявлялась свойственная лермонтовской натуре, тонкой и ранимой, защитная реакция от возможного посягательства со стороны – по принципу: нападение – лучшая защита. При таком рассмотрении гармония в миру исключена. Он, тянувшийся к Мартынову, приятельствовавший с ним на протяжении многих лет, довел того на верзилинском вечере (публично!) до белого каления, не пожелав сдержать едко-язвительного остроумия.

К лермонтовской судьбе и ее истолкованию приложимо тонкое наблюдение современного культуролога Андрея Русакова: «Люди с гениальным призванием властно ведомы своим предназначением, многие вещи они «схватывают» не трудом понимания, а мгновенной интуицией, жизнь свою зачастую ведут на износ, на разрыв, на пределе

физическом, нравственном, интеллектуальном; они готовы двигаться по «лучу судьбы», невзирая ни на что» [16: 177-178].

Трагическая предопределенность лермонтовского бытия, осязаемый на рациональном и интуитивном уровне «зов судьбы» подпитываются буквально пронизывающим все его существо состоянием экзистенциального одиночества и усиливающегося в последние два-три года жизни фаталистического мироощущения, прораставшего на почве безвременья. Тот же Васильчиков, чья молодость на 30-40-е годы, опровергая причисление Лермонтова к типичной гвардейской молодежи, в редко цитируемом выступлении в газете «Голос» («Несколько слов в оправдание Лермонтова от нареканий г.Маркевича» – 1875 г.), раскрывает изнутри атмосферу, в которой поэт ощущал свою инородность, духовную неуютность, оценивая время и место, занимаемое поэтом в обществе: «...Лермонтов был представитель направления, противного тогдашнему поколению великосветской молодежи...» [10: 473]. Вслед за тем следует нелицеприятная характеристика быта и нравов эпохи: «Парады и разводы для военных, придворные балы и выходы для кавалеров и дам, награды в торжественные сроки праздников 6 декабря, в Новый год и в Пасху, производство в гвардейских полках и пожалование девиц во фрейлины, а молодых людей в камергеры – вот и все, решительно все, чем интересовалось это общество, представителями которого были не Лермонтов и Пушкин, а молодцеватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтов и те немногие из его сверстников и единомышленников, которых рождение обрекло на прозябание в этой холодной среде, сознавали глубоко ее пустоту и, не зная куда деться, не находя пищи ни для дела, ни для ума, предавались буйному разгулу, – разгулу, погубившему многих из них; лучшие из офицеров старались вырваться из михайловского манежа и Красносельского лагеря на Кавказ, а молодые люди, привязанные родственными связями к гвардии и к придворному обществу, составляли группу самых бездарных и бесцветных парадеров и танцоров.

Эта-то пустота окружающей его светской среды, эта ничтожность людей, с которыми ему пришлось жить и знаясь, и наложили на всю поэзию и прозу Лермонтова печальный оттенок тоски бессознательной и бесплодной: он печально глядел «на толпу этой угрюмой» молодежи, которая действительно прошла бесследно, как и предсказывал поэт, и ныне, достигнув зрелого возраста, дала отечеству так мало полезных деятелей; «ему некому было руку подать в минуту душевной невзгоды», и, когда в невольных странствованиях и ссылках удавалось ему встречать людей другого закала, вроде Одоевского, он изливал свою современную грусть в души людей другого поколения, других времен. С ними он действительно мгновенно сходилась, их глубоко уважал, и один из них, еще ныне живущий, М.А.Назимов (декабрист. – А.О.) мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим юмором он описывал ему, выходцу из Сибири, ничтожество того поколения, к коему принадлежал» [10: 474].

Подоплека безвременного ухода поэта в том, что он, если использовать блоковскую метафору, как и Пушкин, погиб от недостатка воздуха, когда, по словам Д.Быкова, «николаевское правление отвердело окончательно, когда жестокость репрессивной машины превзошла всякую государственную необходимость, когда вернулся государственный абсурд, равный павловскому, а то и превосходящий его» [3: 65].

И последнее. Почему свидетели и участники лермонтовской дуэли не оставили воспоминаний о ней? «Правила круговой поруки принудили всех секундентов к пожизненному молчанию», – выносит свой вердикт Э.Г.Герштейн [5: 308], уличая тем самым Столыпина, Глебова и Трубецкого, людей честных и порядочных, не замеченных в сомнительных поступках и делах, в сознательном сокрытии истины, им-де было что утаивать, а обнародование правды поставило бы под удар их репутацию. Если мыслить здраво и объективно, все далеко не так.

В николаевские годы действовал запрет на публичное упоминание о дуэлях, и впервые о лермонтовском поединке заговорили в печати после смерти монарха. Хотя бы

уже потому причастные к дуэли предпочитали сохранять молчание, да и особого желания не испытывали в обращении к печальному инциденту, в коем довелось участвовать, своевременно не предприняв активных, энергичных усилий, дабы предотвратить его, испытывая, думается, в глубине души невольную вину за случившееся. Куда более весом другой фактор. Лермонтовская кончина в дуэльном противостоянии не стала для них чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. Кавказская война, жестокая и кровавая, превратила смерть в обыденное явление, ей не удивлялись и не ужасались, воспринимая философски, как нечто неизбежное и неотвратимое. Пусть не в бою, но смерть нелепо прерывает лермонтовское бытие – посыпать голову пеплом, стенать бесполезно. Остается примириться с очередным витком изменчивой Судьбы. Отсюда сдержанно-философическая интонация васьичиковского письма к Арсеньеву, где известие о гибели Лермонтова обрамлено бытовыми мелочами. Наконец, в погибшем приятели, укажем в очередной раз, не видели надежду и славу русской словесности, для них он такой же, как они. Ершистый, остроумный, дерзкий, порою несдержанный Мишель – спутник их общего пятигорского необременительного времяпрепровождения. И вряд ли им хотелось припоминать своевольный характер поэта, неосторожность его поведения в положении, чреватом самыми непредвиденными, непредсказуемыми последствиями.

В постниколаевскую эпоху неизменно нарастает лермонтовская слава, осознание масштабности его не до конца раскрывшегося дарования, не сводимого только к роли преемника Пушкина. Пробуждается интерес к биографии поэта, названной тем не менее уже в начале XX века Александром Блоком «нищенской», ибо на протяжении предыдущего полустолетия с большим трудом устанавливались и накапливались достоверные факты о его личной и творческой жизни, «не отслеженной» как должно современниками, буквально промелькнувшей перед их взором, как «незаконная комета среди расчисленных светил».

Наконец, редактор журнала «Русская старина» М.И.Семевский, способствовавший изданию «Записок» Екатерины Сушковой (графини Хвостовой) в 1869 г., неожиданно для себя узнает, что жив лермонтовский убийца Николай Соломонович Мартынов, разыскивает его и предлагает рассказать о дуэли, надеясь получить сенсационный материал. Тот решительно отказывается, сославшись на то, что есть кому сделать это, имея в виду князя Васильчикова, секунданта поэта. Впрочем, обращение не осталось все-таки безответным и побудило Мартынова взяться за «Биографические записки» (1869 г.) и воспоминания с выразительным заглавием «Моя исповедь» (1871 г.). По неведомым причинам оба текста остались незавершенными, представляя собой вступительную часть, по-видимому, обстоятельных воспоминаний о взаимоотношениях с поэтом, начиная с контактов с ним во время учебы в юнкерском училище и до злополучной дуэли. Найденные среди мартыновских бумаг после смерти, сохранившиеся фрагменты опубликованы Д.Д.Оболенским в журнале «Русский архив» (1893, №8).

Неугомонный М.И.Семевский в 1871 г. побуждает Васильчикова поделиться воспоминаниями. Так, в первом номере «Русского архива» за 1872г. появляется ценнейший документальный материал – «Несколько слов о кончине М.Ю.Лермонтова и о дуэли его с Н.С.Мартыновым», ставший предметом пристального внимания в данной статье, обозначивший начало настоящего мемуарного «лермонтовского вала», приходящегося на 70-80-е годы, без которого было бы значительно затруднено создание первой полноценной висковатовской биографии поэта, вышедшей в пору пятидесятилетней годовщины со дня его гибели.

Библиографический список

1. Алексеев Д.А. Лермонтов. Исследования и находки. М., 2013.
2. Алексеев Д.А. Мартынов в 1839-1840 гг.: Кавказ и отставка по новым материалам. «Вопросы биографии М.Ю.Лермонтова», 2007, №2.
3. Быков Д.Л. Булат Окуджава. М., 2009.

4. Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891.
5. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. Издание второе, исправленное. М., 1986.
6. Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. СПб, 1882.
7. Захаров В.А. Загадка последней дуэли. М., 2000.
8. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю.Лермонтова. М., 2003.
9. Калягин А. Чтения о русской поэзии // «Москва», 2014, №4.
10. М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
11. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 5-ти томах, т. 5. СПб, 1913.
12. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах, т. 4. М., 1958.
13. Мартьянов П.К. Последние дни жизни М.Ю.Лермонтова. М., 2008.
14. Мартьянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. СПб, 1893.
15. Розановская энциклопедия. М., 2008.
16. Русаков А. Ответственность культуры и культурное многообразие. «Дружба народов», 2016, №1.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 10 (Va). СПб, 1893.